

Тимофей Сергейцев

публицист, научный консультант Международного

научно-образовательного центра имени А.А.Зиновьева в МГУ (Россия)

Александр Зиновьев как Френсис Бэкон нашего времени

Александр Зиновьев считал себя ученым, а науку — высшим и последним достижением разума, мышления, интеллекта. Он декларировал свой атеизм и материализм (возможно, даже натурализм), принципиальный а-историзм и даже анти-историзм. Эта позиция сформулирована ясно и отчетливо — в качестве догмы. То есть, Зиновьев не рассуждает о том, что такое наука, чем она обязана философскому и религиозному мышлению, как появляется научное мышление, и в чем результат его современного тотального господства — даже в представлениях диалектической логики, как отрицание самого себя при достижении некоторого максимума. Его интересует только объект и метод научного исследования. Научная позиция внутренне ясна Зиновьеву, и в его работах речь идет лишь о ее последовательной реализации. Вот как об этом пишет сам Зиновьев. Ученый беспристрастно исследует независимый от него объект. Нужны наблюдение, описание, и анализ эмпирически данных нам в ощущениях и языке явлений. Это описание (в обычном языке) должно быть логически проработано (обработано). Результатом логической проработки описаний эмпирических объектов станут возможности выявления объективных законов. Немаловажно и то, что таким образом заявленная позиция исследователя позволяет — и в принципе с точки зрения Зиновьева, и фактически — в работах самого Зиновьева — построить одиночный, индивидуальный ум, ум, независимый от других умов. В этом подвиге реализовалось жизненное кредо мыслителя Зиновьева — мыслящего одиночки и социального изгоя, подвергнувшего социальный мир анализу и одержавшего победу над этим миром.

Оставим в стороне вопрос о том, насколько действительное мышление Зиновьева соответствует его собственной декларации, нет ли в его текстах мета-

физической или вообще философской «контрабанды» и т.п. Точного соответствия заявляемого и реализуемого быть не может в принципе, однако, с высокой степенью достоверности можно утверждать, что в целом налицо адекватность. Будем поэтому считать, что научная установка у Зиновьева имеет место, причем вместе с тем философским базисом, который в рамках той или иной методологии науки неразрывно связан с научным типом мышления. Каково положение этой позиции в современной интеллектуальной ситуации? Что она позволяет и чего не позволяет понимать? Насколько она вообще актуальна?

Не вдаваясь в частности, можно охарактеризовать философский базис и вырастающую из него научную позицию Зиновьева как принадлежащий (принадлежащую) магистральному течению английской и отчасти французской мысли эмпирического, сенсуалистического, натуралистического толка. Это ставит мыслителя Зиновьева не только в особое положение в отношении всей советской философии, которая — при всех ее различиях между официозом и живой мыслью — была (как и русское право) с неизбежностью рецепцией немецкой классической философии, включая и марксизм. Прежде всего Зиновьев оказывается в особом положении по отношению к самой немецкой философии и ее современным продолжениям: свой среди чужих, чужой среди своих. Социально-принудительно Зиновьев должен был стать марксистом. Однако Маркс при всем его «материализме» вовсе не был а-метафизичен. Труд есть метафизика Маркса. Поскольку социология Маркса уже была заявлена не просто как философия, а как наука, вполне закономерно, что Зиновьев должен подвергнуть Маркса радикальной критике — как английского (по школе и предмету) мыслителя, набравшегося немецкой мистики. И он делает это, невзирая на идеологические и социальные обстоя-

тельства без каких-либо компромиссов. Главное в научном мышлении — согласно Декарту, одному из основателей науки — метод. Зиновьев реконструирует именно метод Маркса — и становится действительным постмарксистом, мыслителем, свободным от представлений Маркса об обществе, от его мышления вообще. Этот результат нетривиален, поскольку поиски пост-марксистского поля анализа социальных явлений составляют немалую часть мысли 20-го века. И большая часть этих поисков, направленных не на метод, а на предметное содержание социологических представлений, неизбежно возвращается назад, к Марксу. Марксизм по факту является основой преподавания социологии в США. И не удивительно — социологический анализ Марксом классического капитализма был не только сверхэффективен, но и стал первой технологией мышления — способом мышления, который может распространяться и реализоваться массово.

Несмотря на то, что первый русский постмарксист Зиновьев не признает метафизики, другой постмарксист, Ницше, разбирал прежде всего метафизическую основу, не учтенную Марксом, хотя и интересовавшую Гегеля. А именно — метафизику власти. Ницше именно как постмарксист показал, что власть является основным явлением социума и трансформироваться она будет в сверхвласть, которая станет выше всех известных общественных институтов. Именно этот ход истории, предсказанный Ницше, эмпирически обнаружен натуралистом Зиновьевым в конце 20-го века как основное явление послевоенного общества. Когда противостоящие друг другу позиции приводят к одним выводам, над этим стоит задуматься.

Что может дать нам научная позиция Зиновьева? Особенно учитывая, что Зиновьев игнорирует практически все философско-методологические дискуссии о различии научного подхода в области физики (и вообще точных и естественных наук) и социологии. Его это просто не интересует. Не интересует его и проблематизация научной позиции в отношении общества, подобная той, которую проводит В.Левфевр. Да, объект независим от исследователя. В том числе и социальный. Но вот в чем проблема: зато исследователь зависит от объекта, если объект социальный. Более того, исследователь постольку зависит от своего социального объекта, поскольку сам социальный объект обладает интеллектом, много превосходящим интеллект исследователя. Социальный объект «играет» с исследователем в игру, само наличие которой исследователь должен осознавать, и устройство которой должен пытаться реконструировать. Подобные немецкие рассуждения о рефлексии глубоко чужды английскому натурализму Зиновьева. Несовременен? Отнюдь. Не сделав предыдущий шаг, нельзя сделать и следующий. Коли мы вообще хотим что-то знать о социальном, необходимо, чтобы объект был. Хоть какой-нибудь. За неимением метафизически и онтологически фундированного — хотя бы эмпирический. Не выполняя этого требования, мы полностью оказываемся во власти старых добрых «идолов» Френсиса Бэкона в их современном изда-

нии. И если постфилософское, т.е. научное мышление должно снимать в себе философское — в противном случае оно перестает вообще быть мышлением — то постнаучное мышление должно снимать в себе научное. Постнаучное мышление с неизбежностью должно быть разработкой метода как такового с постановкой вопроса о его отношении к метафизике и онтологии, всегда поставлявшихся для нужд науки из философии и теологии. Подходами постнаучного мышления занимался вышедший из Московского Логического кружка ученик А.Зиновьева Г.Щедровицкий вместе со своими партнерами по уже Московскому Методологическому кружку. Щедровицкий как неотъемлемую часть постнаучной методологии развивал метафизику деятельности, которая заменяет метафизику труда Маркса. Метафизика деятельности в рамках системно-мыслительностной методологии объясняет и позволяет развивать самые глубокие наблюдения Зиновьева о жизни современного сверхобщества, давлении материальной культуры на человечество, целенаправленной эволюции человечества и многие другие. «Немец» Щедровицкий фиксирует те же проблемы, что и «англичанин» Зиновьев. Возможно, эти проблемы стоит принять во внимание. Их постановки мы не найдем в необъятном море западной социологической и вообще социальной литературы.

Если методолог Щедровицкий развивал деятельностьную методологию в презумпции дальнейшего развития (необходимости развития) советского проекта и в этом смысле остался вместе с языком своих разработок внутри последнего (крушение СССР фактически привело его к ранней смерти в 1994 году), то ученый-исследователь Зиновьев вышел в явную рефлексивную советского проекта (каковая и привела к его высылке из страны) еще в середине 1970-х. И оставался с нами до середины 2000-ных как активно работающий мыслитель. Ученый-исследователь Зиновьев задал не только представление об отличии реального социализма (коммунизма) от его идеологического образа, но и сделал то же самое в отношении западного социума, причем в сравнении и сопоставлении с советским социумом. Он вообще охватил границы современной социальной идеологии, скрывающей от нас саму действительность социального знания, при этом сознательно отказавшись использовать обширный, но сомнительный с точки зрения здравого смысла понятийный и терминологический «философский аппарат». Деидеологизация знания, поведенная Зиновьевым в современных условиях, равна по значению аналогичной деидеологизации, которую совершил в 16-м веке Френсис Бэкон. Понимание, «фактор» которого строил для себя Зиновьев, являясь умом, интеллектом, то есть первой операцией всякого мышления, так или иначе полагающее всякую дальнейшую судьбу мысли, невозможно без ниспровержения идолов, как это сделали Бэкон и Зиновьев.